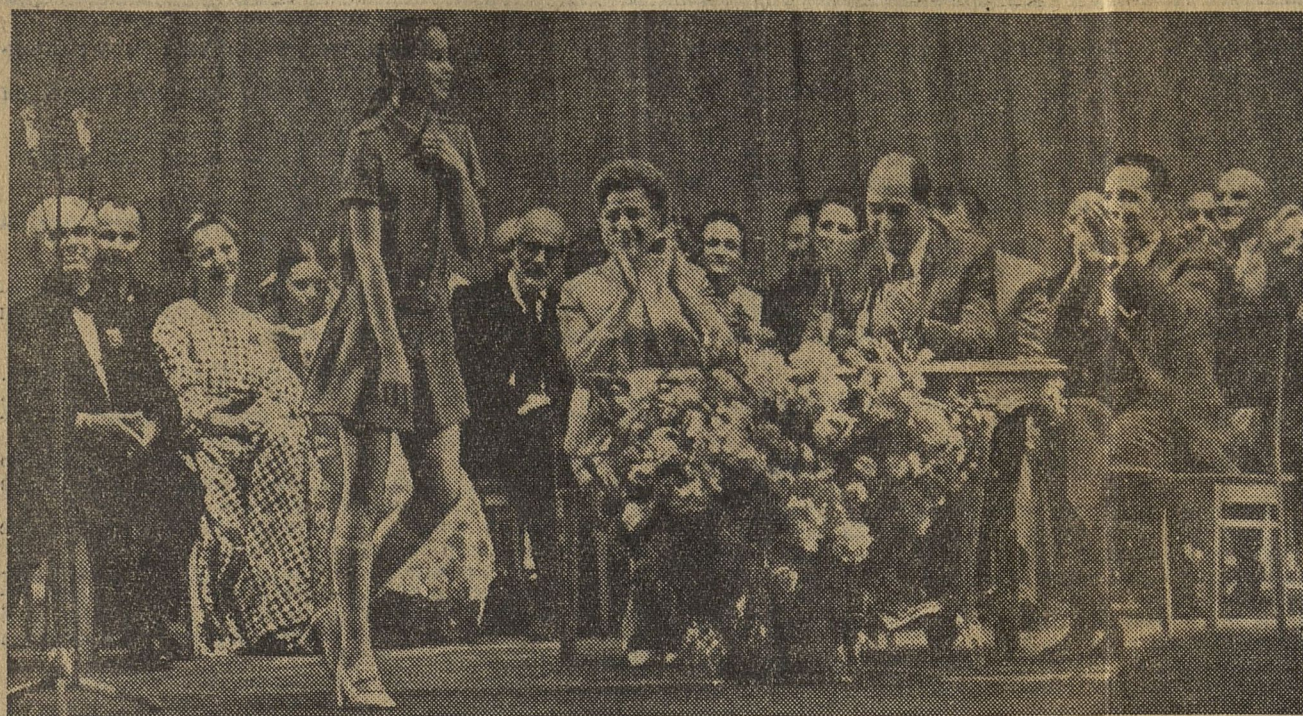

Лауреат «Гран при» II Московского международного конкурса

Фото А. МАКАРОВА (АПИ)

БАЛЕРИНА

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

НАДЯ ПАВЛОВА, Надя Павлова...

«Что в имени тебе моем?» В ее имени — какая-то классическая ясность и магия тонкой поэтической строчки. Звуковой образ девчонки-школьницы в аккуратном черном переднике и молодой, артистичной, уверенной в себе женщины.

Юная выпускница Пермского хореографического училища покорила зал сразу. Пришла — и победила. Год назад, в дни Московского международного конкурса, других кандидатов на «Гран при» Большого театра после первого тура уже не было.

Советскому балету первоклассных мастеров не занимать. Однако и в этой прославленной когорте Надю заметишь, выделишь. Не только обаяние молодости определяет обаяние ее таланта.

Танец — естественное состояние ее жизни. Такое же, как для других людей ходить, говорить, и им горько, тяжело хотя бы на время лишиться этого. Наде столь же невыносимо не танцевать. С первыми шагами на уроке, с первыми тактами музыки ей легче и веселее становится жить. И каждый шаг — предвкушение взлета. Самая огромная сцена — три ее прыжка, невесомых и рельефных, как будто вычерченных вдохновенным пушкинским пером.

Сложнейший технический прием ей не сложен, выполняется с наслаждением, несет на себе личный «фирменный знак». Заноска — легкое стригущее движение ногами в воздухе — отмечена строгостью, четкостью линий, точно балерина успевает остановиться в полете и посмотришь на себя со стороны. Экарте: нога идет вертикально вверх, ее напряженная струнка почти касается лица. Если уж фуэте, то не равнодушной юлой, лишь бы открутить свои тридцать два. Хрупкая точеная фигурка отважно мчится в эпицентре вихря. Энергия циклотрона передается залу и воспринимается всем залом...

Обычно говорят о вдохновенных руках балерины. Но один хороший балетный критик в числе других достоинств искусства Павловой подчеркнул «красивые ноги». «Человеческие ноги могут быть добрые, злые, зрячие, слепые», — убежденно доказывал Бабель скептику-читателю. А эти — трепетные, чутко откликающиеся музыке, они ведут в танце свой выразительный монолог.

Когда для солиста балета не существует технических трудностей, когда не замирает ежесекундно сердце — вдруг сорвется очередной прыжок, — тогда художник раскован, может с наибольшей полнотой вы-

разить в движении, пластике главное: реальный мир, судьбы и страсти человеческие. Завет Родена: «...Никогда не мыслите в поверхности, а только в глубину» — всецело относится к классической хореографии. Так вот, танец Павловой объемный, многомерный, я сказал бы — скульптурен. Одухотворенность актрисы высвечивает его. В нем ожидает чудо искусства, не поддающееся логическому анализу, то самое «чуть-чуть», что присуще только удивительному таланту и заставляет людей, сведущих и даже не очень сведущих в балете, восторженно покачивать головой: «От бога...».

А нашли Надю в Чебоксарах. Пермские хореографы снарядили сюда очередную экспедицию за талантами и присмотрелись во Дворце пионеров к восьмилетней дочке местного рентгенолога и воспитательницы детского сада. Может, не нашли бы пермяки, нашли бы другие. Но счастье в том, что появился в жизни Нади очень дорогой ей человек — педагог-балетмейстер Людмила Павловна Сахарова.

Строгая мать — иначе о ней не скажешь. Профессиональные достоинства Сахаровой сейчас широко признаны и не нуждаются в дополнительной характеристике. Достаточно сказать, что сразу две выпускницы ее класса (кроме Павловой и Ольги Ченчикова) стали лауреатами самого авторитетного в мире балетного соревнования — Московского международного конкурса. (Да и весь этот выпускной класс называют «звездным».) А вот характер...

Да, характер Сахаровой далеко не соответствует ее фамилии (простите, милая Людмила Павловна!). Она строга, по-хорошему «вредлива», скажет правду в глаза, невзирая на лица, и любого может срезать так, что в пот бросит.

Своим любимым лауреатам она зазваться не даст.

Работа впереди бесконечная. Надя сама это хорошо знает — поэт Райнер Мария Рильке говорил, что подлинно творческая личность предчувствует предстоящий ей гигантский труд. Мне кажется, например, что пока Павловой больше удаётся фрагмент, чем целое. Ее стихия — молодость, радость. Передать в танце упоение счастьем, свет, надежду ей пока легче, чем боль, размышление. А впрочем... Недавно прошли московские гастроли Пермского театра оперы и балета. Мы увидели Павло-

ву в па-де-де из второго акта «Жизели». В созданном ею образе пробились уже иные тона. Видно, что Надя экспериментирует, в танце отразились и раздумье, поиск истины. Очень интересен ее осенний пермский дебют в роли Джульетты (пока она танцевала эту партию, кажется, только на фестивале искусств в итальянском городе Сполето).

НАДЯ ПАВЛОВА, Надя Павлова...

Какая она?

Маленькая. Ладная, хорошо сложенная, но очень миниатюрная. Среди сверстниц по балетному классу (а они, кстати, вполне соответствуют жестким профессиональным габаритам) она выглядит как подросток, затесавшийся в компанию взрослых дам. Курносенькая, глаза прелюбопытные, лопатки торчат, коса, чтоб не мешала, подвязана серебряным шнурком — Надя и у станка выделяется.

Утреннему классу не до хрустящих крахмальных пачек. Атмосфера рабочая, и здесь в порядке вещей выцветшая майка, растрепанная капроновая юбочка, вязаный шерстяной чулок, небрежно спущенный под колено. Только не у Нади. Одетая всегда строго, аккуратно, с подчеркнутой изысканностью. (Это не достоинство, просто примечательная черточка характера.)

Спуску она себе не дает, работает в классе истово. Захваченное с собой махровое полотенце через час от пота становится вдвое тяжелее. Вполсилы Павлова ничего не делает, все упражнения выполняются, как на спектакле, и взлетает она раз за разом выше всех, и нога отводится не на заданные сто тридцать пять градусов, а на все сто семьдесят.

Правда, она дозирует нагрузку, вдруг остановится, передохнет. Но и в передышку, вижу, почти не расслабляется, нога лежит на станке, и все мышцы ее напряжены.

А совсем устанет — присядет, обопрется локтями о подоконник, сложит ладошки, положит на них голову... Сдержанностью, привычкой уходить в себя она старшей своих лет.

Мне кажется, что она безмерно смущена неожиданной пришедшей славой, искателями автографов, афишами на разных языках со своими портретами и от этого на людях отчуждается, замыкается в какую-то «скорлупку». За кулисами же ее привычный мир. И в нем она оттаивает.

...Сегодня у Нади выходной. Она надела очень идущую ей голубенькие джинсы, распустила косу в свободный хвостик и... все равно пришла в класс. Привычка. Она чинно сидит у двери, снисходительно слушающая шутки мальчишек (то есть солистов балета), ожидающих своей очереди заниматься. Ребята заглянули в щелку, смеясь передразнили кого-то из класса. Бесенок на секунду выпрыгнул из «скорлупки»: Надя не сдержалась, прыснула в кулак, сразу стала мягче и младше.

«...НАДЯ, вы не знакомы с Ольгой Корбут?» — «Нет, к сожалению». Почему спросил я ее об этом? Просто неожиданно испытал довольно сходное впечатление, наблюдая за выступлениями пермской балерины и белорусской гимнастки, имя которой сейчас ласково произносятся в разных концах земли.

Это сходство возникает не только благодаря их привычной «рабочей» одежде — глухое черное шерстяное трико на тренировке и репетиции. Пролитый пот? Да, пожалуй. Мозоли на руках Оли и стертые в клочья за час занятий острые носки Надиных туфелек.

Главное же все-таки в другом. Ольга пришлась по сердцу миллионам людей, наверное, не из-за феноменальной сложности программы. Зрителей покорила не только благодаря их привычной «рабочей» одежде — глухое черное шерстяное трико на тренировке и репетиции. Пролитый пот? Да, пожалуй. Мозоли на руках Оли и стертые в клочья за час занятий острые носки Надиных туфелек.

Она выходит на сцену и светлеет — впереди Танец. Ей восемнадцать лет.

Р. ПОСПЕЛОВ

рило не только феерическое «сальто назад» на бревне, но и улыбка сквозь слезы в олимпийском зале. Человеческая незаурядность этих двух девушек, выраженная в балете и гимнастике. Редчайшая одухотворенность, лиризм, живущие в их взгляде, смехе, жесте. Радость от искусства и спорта, которой они щедро делятся с людьми. И опять то окрыляющее «чуть-чуть».

«Крупная, державная ответственность рухнула на маленькие плечи!» — стихи как будто не только про Ольгу Корбут, но и про Надю Павлову.

Оля по меркам своего спорта уже ветеран. С грустью думаешь, что не так уж далек день, когда уйдет она с помоста, как ушли немногим более старшие Зина Воронина, Лариса Петрик, как ушла незабываемая Наташа Кучинская. Прекрасно все-таки, что в искусстве есть место зрелости таланта, что у Нади Павловой впереди не одно десятилетие яркой, полноценной работы.

Майя Плисецкая на страницах «ЛГ» выразила надежду, что Павлова будет приглашена в Большой театр. Это предложение вызвало разноречивые отклики читателей. Т. Башта, младший научный сотрудник музея-усадьбы Некрасова «Карабиха», в большом, очень доброжелательном письме не согласна: «Почему Большой театр должен заирать себе из периферийных театров лучших исполнителей? Можно пригласить их на отдельные выступления. Но пусть люди приезжают в Москву, чтобы попасть «на Бессмертному» или «на Васильеву», и пусть они ищут личный билетик в Пермь «на Павлову». А московские врачи супруги Фидельгольц без Большого юную балерину не мыслят: «Перед нами исключительное дарование, талант, требующий большого руководства, постоянного наблюдения наших ведущих специалистов, таких, как Галина Сергеевна Уланова...».

Сложный вопрос. С окончанием училища для Нади практически ничего не изменилось: те же педагоги, те же партнеры, те же спектакли, та же атмосфера вокруг. Возможно, это и неплохо, ведь дарование балерины развивалось здесь плодотворно и планомерно. А может быть, приход в новый великолепный коллектив будет способствовать резкому качественному скачку ее искусства?.. Семь раз отмерь. Если советовать, то с предельным тактом и осторожностью. У нас достаточно объективных квалифицированных специалистов, способных помочь найти оптимальное решение.

...Выступает делегат XVII съезда комсомола и Всемирного фестиваля молодежи, балерина Надежда Павлова. Медленно сосредоточиваясь, идет она к кулисе. Каждое выступление как первое. Страшно. Где-то в кресле прячется, ожидая хозяйку, смешная игрushка-талисман — маленький лохматый львенок Бонифаций.

Она выходит на сцену и светлеет — впереди Танец. Ей восемнадцать лет.

«Дон Кихот»

«Жизель»

«Конпелья»

